УДК 398.8, 821.161.1
ББК 82.3, 83.3 (2=411.2)

Народно-певческая культура Овсянки: опыт комментирования песенных цитат «Последнего поклона» В. П. Астафьева

Татьяна Степановна Канева
(Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина: Российская Федерация, 167000, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55)

Аннотация. *Статья посвящена теме народно-песенной традиции сибирского села Овсянка, которая запечатлена В. П. Астафьевым (чье 100-летие отмечается в этом году) в повести в рассказах «Последний поклон». Эта тема занимает в произведении особое место, детализируя эпоху, характеризуя конкретное сообщество и конкретных людей, передавая особое настроение персонажей. На страницах «Последнего поклона» упоминаются и звучат в основном песни позднего слоя —переработки авторских стихов, песни городские, тюремные (из почти двух десятков сюжетов к традиционным можно отнести лишь две протяжные и одну игровую песни). Песня-пение разным объемом входит в повествование — от лаконичного упоминания и обозначения одной-двумя строками до развернутых сцен с цитированием текста. Кроме того, песенные цитаты могут рассматриваться как фольклорный источник для изучения местной традиции. Между тем песни «Последнего поклона» не привлекали особого внимания, в том числе и как предмет комментирования в 15-томном собрании сочинений писателя. В качестве приложения к статье предлагаются комментарии к девятнадцати песенным цитатам, включающие атрибуцию песенного сюжета, отметку о наличии публикации песни в сборнике фольклора Овсянки, ссылки на близкие варианты; к этой части работы привлечен большой круг источников — региональных сборников, а также некоторых антологий русских народных песен. В одном из комментариев приведен текст песни «Уж ты, сад, ты мой сад…» в исполнении родственницы писателя по аудиозаписи из собрания Библиотеки-музея В. П. Астафьева, и, таким образом, в научный оборот вводится овсянский вариант этого довольно известного сюжета, процитированного в «Последнем поклоне».*

Ключевые слова: *народная песня, комментарий, В. П. Астафьев, Овсянка.*

Дата поступления статьи: 10 марта 2024 г.

Дата публикации: 25 июня 2024 г.

Для цитирования: *Канева Т. С.* Народно-певческая культура Овсянки: опыт комментирования песенных цитат «Последнего поклона» В. П. Астафьева // Традиционная культура. 2024. Т. 25. № 2. С. 122–136.

DOI: https://doi.org/10.26158/TK.2024.25.2.011

«Последним поклоном»[1] Виктор Петрович Астафьев (1924–2001) прославил свою родину — красноярское село Овсянка. Эта повесть в рассказах не просто стала «эпохальным полотном о жизни деревни в трудные 1930–40-е и исповедью поколения, детство которого пришлось на годы "великого перелома", а юность — "на огневые сороковые"» [Вахитова 2005, 124], оно запечатлело разные стороны семейно-бытового уклада и многие явления традиционной народной культуры этого сибирского села. По устному замечанию О. Р. Николаева, произведения В. П. Астафьева, особенно посвященные Овсянке и — шире — Енисейской Сибири, по сути, могут рассматриваться как этнографический и фольклорный источники[2].

Среди разнообразных фольклорно-этнографических «включений» в повествовательную канву ПП (это описания игр, приметы, поверья, упоминания о народном врачевании, календарных праздниках и др.) особое место занимает народная песня — как текст и как действие: на страницах произведения встречаем более двух десятков описаний ситуации пения и цитирование не менее двадцати песен. В разнообразных изданиях ПП, в том числе и в составе 15-томного собрания сочинений [Астафьев 1997, 1998], песенные цитаты не становились объектом комментирования[3], и к народной песне в ПП В. П. Астафьева, насколько мы можем судить, фольклористы пока не обращались[4]. В данной работе мы предлагаем общую характеристику народно-песенной темы в этом произведении и в качестве приложения — комментарии к цитатам из песен Овсянки[5]; к работе нами также привлечены повесть «Перевал» и две лирические миниатюры из сборника «Затеси», связанные с певческой культурой этого села и с персонажами ПП.

Весьма примечательно, что песенная тема задана в ПП уже эпиграфом — заключительными строками стихотворения А. Домнина «Скворец»: «Пой, скворушка! / Гори, моя лучина. / Свети, звезда, над путником в степи!» Тема музыки получила продолжение в первых рассказах этого многосоставного произведения. «Далекая и близкая сказка» — своеобразный зачин-запев ПП, где в центре повествования — пережитые главным героем, мальчиком Витей Потылицыным, «горе и восторг» от впервые услышанной музыки, на всю жизнь ранившей его сердце [ПП 4, 12]. Здесь «автор находит тон всей книги, который определяется Васиной игрой на скрипке, позволяющей выразить любовь к родине и тоску по ней, так как для Астафьева, по его собственному признанию, эта повесть "о самом дорогом и вечном", о малой родине, о детстве, о родных и близких, о любви к ним» [Смирнова 2013, 15]. Второй рассказ — «Зорькина песня», как бы подхватывающий музыкальную тему, наполнен светлой радостью главного героя от узнавания им музыки природы — «песни пробуждающегося дня» [ПП 4, 25], пения зорьки, дающей начало хору птичьих голосов.

Зная о любви к песне жителей Овсянки, можно не удивляться тому, что народная песня стала практически одной из героинь ПП, посвященного родине В. П. Астафьева. «Характерной особенностью фольклора астафьевских мест является наличие богатой песенности. Старожилы Овсянки в один голос утверждают, что прежде округа звенела от песен» [У астафьевских родников 2003, 4].

---

[1] Далее — ПП; при цитировании после сокращения указывается номер тома по изданию [Астафьев 1997, 1998], через запятую — номер страницы.

[2] Автор выражает свою признательность О. Р. Николаеву, вдохновившему на обращение к творчеству В. П. Астафьева и поделившемуся своими фольклористическими наблюдениями о нем.

[3] Тема музыки в творчестве В. П. Астафьева и песенные цитаты в некоторых его произведениях (в частности, в повести «Звездопад») рассмотрены в статье: [Смирнова 2013]. В сборнике фольклора Овсянки есть небольшая выборка фрагментов из произведений В. П. Астафьева, посвященных песне и пению (см.: [У астафьевских родников 2003]).

[4] Из фольклористических работ, посвященных В. П. Астафьеву, можем назвать [Коровашко 2011; Эгамбердиева 2016].

[5] Когда-то впечатленный указателями материалов фольклорного архива кафедры русской литературы Горьковского государственного университета, подготовленными Кларой Евгеньевной Кореповой, автор этих строк усвоил значимость работы по атрибуции и описанию текстов фольклора в их многочисленных вариантах.

По оценке самого писателя, любимые его «гробовозы» (жители Овсянки) «пели здорово, пели и плакали — это уж непременно: сентиментальный в гулянке народишко» [У астафьевских родников 2003, 6]. Пели в семье писателя, любил петь и он сам, о чем свидетельствуют его земляки и исследователи творчества [У астафьевских родников 2003, 6; И открой в себе память 2021]. Овсянцы — герои ПП, поют в одиночку, семьями и общим уличным собранием; поют дети, взрослые, мужчины и женщины; поют за колыбелью, за работой, за праздничным столом, в пляске, игре-хороводе и дороге, поют в радости-веселье и грустном раздумье. Пение упоминается как обязательная черта праздника и молодежного гулянья («Весна скоро. Будет тепло. Первый май будет! Все станут праздновать, гулять, песни петь» [ПП 4, 74–75]; «Был праздник Благовещенья или конец Пасхи — не помню. Деревня гуляла, пела и развлекалась на воле» [ПП 4, 215]; «На останец собирались девки и парни, сидели там, обнявшись, пели песни…» [ПП, 4, 350] и т. п.). Само понятие «гулянье» предполагало пение песен: «У нас в Овсянке слово “гулять” имело совсем другой, глубокий и далеко идущий смысл: гулять — это значит вино пить, песни петь, плясать, морды бить и вообще вольничать и веселиться» [ПП 5, 31]. Естественной деталью песня обозначается и в описаниях будничных занятий («Поедем на Усть-Ману. Избушка наша там покуль жива, откроем, будем дрова пилить, картошки варить, ты станешь рыбу удить, песняка драть» [ПП 4, 318]; «Забрав корыто, топор, я один раз отправился в горницу, уселся на пол, рублю табак, ору песни» [ПП 4, 247] и т. п.).

Широк и интересен ряд певческих народных терминов, приведенных В. П. Астафьевым в ПП: *протяжная* песня, песня *с подтрясом*, частушки *солоноватые*, *соленые*, *пересоленые*, *матерщинные*; петь: *вести / выводить, подхватить, орать, драть, горланить / горлопанить*, *залиться*; *затянуть, заводить, подводить запев к общеголосью*; *хватануть* припев; петь *надрывно, ладно, вести сыто, тоскливо, подправлять* хор, *войти* в хор, *тоненько напевать* и др.

Исключительную роль в оценке певческой культуры Овсянки играет описание В. П. Астафьевым ее «попесенного сложения» (по выражению О. Р. Николаева): «Село наше, кроме улиц, посадов и переулков, скроено и сложено еще и попесенно — у всякой семьи, у фамилии была “своя”, коронная песня, которая глубже и полнее выражала чувства именно этой и никакой другой родни. Я и поныне, как вспомню песню “Монах красотку полюбил”, — так и вижу Бобровский переулок и всех бобровских, и мураши у меня по коже разбегаются от потрясенности. Дрожит, сжимается сердце от песни “шахматовского колена”: “Я у окошечка сидела, Боже мой, а дождик капал на меня”. И как забыть фокинскую, душу рвущую: “Понапрасну ломал я решеточку, понапрасну бежал из тюрьмы, моя милая, родная женушка у другого лежит на груди”, или дяди моего любимую: “Однажды в комнате уютной”, или в память о маме-покойнице, поющуюся до сих пор: “Ты скажика мне, сестра…”. Да где же все и всех-то упомнишь? Деревня большая была, народ голосистый, удалой, и родня в коленах глубокая и широкая» [ПП 4, 54].

Этот репертуар (приложение, № 1–4) появляется в первом из рассказов ПП («Конь с розовой гривой»), в которых называются конкретные песни. В следующем рассказе («Монах в новых штанах») к данному списку, связывающему конкретные песни с конкретными же овсянскими родами («коленами») и людьми, добавляется еще одна любимая песня дяди главного героя — про природного пахаря (приложение, № 6). Образ «сродника» возник в памяти Вити, когда он оказался на «длинном и медленном подъеме», где «Кольча-младший запевал всегда одну и ту же песню, конь замедлял шаги, осторожно ставил копыта, чтоб не мешать человеку петь. <…> Затянул и я песню Кольчи-младшего про природного пахаря. <…> Так, с песнею, я одолел гору» [ПП 4, 88].

Песня-пение разным объемом входит в повествование ПП — от лаконичного упоминания и обозначения отдельных песен условным названием или одной-двумя строками до развернутых сцен с цитированием текста. Оценивая формы появления песни в ПП, вполне можно согласиться с наблюдением А. И. Смирновой: «Излюбленный астафьевский прием — включение в текст песенных цитат — позволяет автору передать дух времени, раскрыть психоло-

гическое состояние героя, выразить свою позицию» [Смирнова 2013, 16]. Для этого в отдельных случаях писателю достаточно всего лишь назвать песню. Так, например, в рассказе «Ангел-хранитель» о голодном 1933 годе подросток поет «каторжанскую» песню, когда совершает опасный сплав на двух бревнах по бешеной весенней реке: «Раз Кеша связал два толстых бревна завалящим концом веревки и сначала плыл ладно, песню пел: “Далеко в стране Иркуцкой”» [ПП 4, 117]. Вероятно, услышанная в родном селе, где «дополна водилось» «сидевших в тюрьме, ссыльных, пересыльных, бродяг и каторжанцев, всякого разного люду с запутанной биографией» [ПП 4, 192], она привлекла Кешу романтикой взрослой жизни, наполненной риском. Песня об отчаянных людях — ворах и бандитах, а также о борцах за справедливость, за «народную правду» (приложение, № 7) как будто подбадривает и поддерживает юного героя («Кеша под Манским быком проплывал много раз, ничего не боялся, еще громче песню орал» [ПП 4, 117]), который, потерпев крушение хлипкого салика, на одном бревне все же достигает родного берега и привозит от отца и тетки со сплавучастка кастрюлю с «харчем» — спасительную поддержку семье.

В другом случае проявление «смелости» героя — пение разудалых армейских куплетов на бабьей помочи — передано через цитирование двух строф «Дуни» (приложение, № 9) с описанием вызванной этим «сольным выступлением» реакции бабушки:

«Распустила Дуня косы,
А за нею все матросы!
Эх, Дуня, Дуня, Дуня, я,
Дуня — ягодка моя!

— Тошно мне! — сплеснула бабушка руками. — Работник-то у меня чё выучил, а? Ну грамотей, ну грамотей!

Я от похвалы возликовал и горланил громче прежнего:

Нам свобода нипочем!
Мы в окошко кирпичом!
Эх, Дуня, Дуня, Дуня, я,
Дуня — ягодка моя!..»
[ПП 4, 136–137][6].

Сами же помочи по случаю соления капусты, точнее, пение на них заслуживают особого внимания. Перефразируя В. П. Астафьева, который пишет: «Никакая помочь без выпивки не бывает. Оттого и поют так слаженно и громко женщины — дернули по маленькой, чтобы радостней трудилось и пелось» [ПП 4, 134–135], можно сказать: никакая женская помочь не бывает без песен. Одну из них, песню-жалобу о загубленной молодости и несчастной любви, и слышит Витя:

«Злые люди, ненавистные
Да хочут с милым ра-а-азлучи-ить…

Ведет голос тонкий, звонкий — аж в ушах сверлит. И вдруг словно обвал с горы:

Э-эх, из-за денег, из-за ревности
Брошу милова-а-а люби-и-ить…»
[ПП 4, 134].

Это лирическая песня позднего происхождения «Ой, кака же я несчастна…» (приложение, № 8), небольшая по объему и несложная по распеву. Основной набор ее слов-смыслов (злые люди, разлука, ревность, горе горевать и др.) соответствовал общему лирическому настроению женского собрания. Им управляла не только и даже не столько бабушка Екатерина Петровна, прозванная в семье генералом («…“Давайте еще споем. Пущай не слышно будет, как воем, а слышно, как поем. Гуска, заводи!”»), а сама песенная стихия: «И снова вонзился в сырое, пропитанное рассолом и запахом вина, избяное пространство звонкий голос тетки Августы, и все бабы с какой-то забубенностью, отчаянием, со слезливой растроганностью подхватывали протяжные песни» [ПП 4, 137].

Чрезвычайно интересен отражением того, как проникали городские песни в сельскую глубинку, как воспринимались эти «душу рвущие» [ПП 4, 54] сюжеты ов-

[6] Скрытой цитатой «Дуня» включается и в характеристику боевого состояния героя, разгорячившегося при игре в бабки: «*А мне всё нипочем! Я в окошко кирпичом!* И обедать не пойду! Коли биться до конца — без ужина дюжить стану, и пусть мне бабушка наподдает — до ночи рубиться буду, да хоть и до утра! Всех в прах поразнесу! Нет мне пределу! Круши гробовозов! У-ух, какой я человек!» (курсив наш. — *Т. К.*) [ПП 4, 210].

сянцами, фрагмент, посвященный песне «Судили девицу одну, она дитя была годами»: «Песня эта новая, нездешняя. Ее, по всем видам, тоже Верехтины завезли в село. Я запомнил из нее только эти слова, и они мне очень по душе пришлись. Ну, а после того, как у нас появилась новая невестка — Нюра, удалая песельница, я <…> запомнил всю городскую песню. Дальше там в песне сказывается, за что судили девицу. Полюбила она человека. Мушшину, надеясь, что человек он путный, но он оказался изменшык. Ну, терпела, терпела девица изменшыство, *взяла с окошка нож вострый "и белу грудь ему промзила"*. Сколько можно терпеть, в самом-то деле?! Бабушка, слушая меня, поднимала фартук к глазам:

— Страсти-то, страсти-то какие! Куды это мы, Витька, идем?

Я толковал бабушке, что песня есть песня и никуды мы не идем.

— Не-эт, парень, ко краю идем, вот что. Раз уж баба с ножиком на мужика, это уж все, это уж, парень, полный переворот, последний, стало быть, предел наступил. Остается только молиться о спасении. Вот у меня сам-то черта самого самовитее, и поругаемся когда, но чтоб с топором, с ножиком на мужа?.. Да Боже сохрани нас и помилуй. Не-эт, товаришшы дорогие, крушенье укладу, нарушение Богом указанного порядку» (курсив наш. — *Т. К.*) [ПП 4, 73].

Примечательно, что в соотносимых вариантах этого городского романса (приложение, № 5) в качестве орудия преступления называется кинжал (см., например: [Кулагина, Селиванов 1997, № 402]. «Заменивший» его в «астафьевском» варианте нож снижает «справедливый акт мести» до «бытового преступления», делая его более «правдоподобным» и, вероятно, оттого вызывающим такое живое восприятие. Пересказанные устами Вити Потылицына строки романса, посвященные убийству (см. выше курсив в цитате), могли звучать в Овсянке, скорее всего, таким образом: «Однажды он меня прогнал, / И я отмстить ему решила: / Взяла с окошка острый нож / И белу грудь ему промзила».

В ПП В. П. Астафьев создал несколько прекрасных сцен пения в семейной обстановке — как в камерной, так и в застольно-праздничной.

Одна из них связана с дедушкиной сестрой теткой Авдотьей, «жизнью издерганной» [ПП 4, 146] бабой, мятежной матерью трех дочерей. В редкие спокойные минуты, «во время рукоделия или при починке изорванной одежды, теребления ли пера, а то и у прялки, тетка Авдотья тоненько, без слов принималась чего-то в забывчивости напевать, потом и на слова переходила»[7], а дочери присоединялись. Доходило дело и до «самой жалостной, самой близкой их сердцу песни про коварную и изменчивую любовь», это городская песня, известная как «Матросёнок», «Матросская жена» или «Моряки» (приложение, № 10). Песенный текст процитирован двумя небольшими фрагментами: «Хотя и есть в песне предупреждение: "Не любите моряка, моряки обманут", — все равно не устоять слабому девичьему сердцу под напором страстей, и дело заканчивается известно чем: "Месяц светит за окном, дождь идет уныло, а в руках она несет матросенка сына"» [ПП 4, 169]. Особенно ценно в этом эпизоде описание единения поющих: совместное складное пение (дети «радостно подхватят, поведут — заслушаешься») на время как будто примиряло мать с дочерями, которых она порой не кормила, не поила, лупцевала ухватом [ПП 4, 164], таскала за волосья [ПП 4, 139] — в этой песне все они были одинаково доверчивыми, беззащитными жертвами мужского обмана. В «послепесенном забытьи» тетки Авдотьи проступает трагизм и горесть всей ее жизни — жизни «внаклон», как «настил во дворе <…> и всё хозяйство» [ПП 4, 165]: «И как разольются по селу, отзвенят отчаянные голоса тетки Авдотьиных девок, долго еще смотрит в окно, в пространствие слепыми от слез глазами сама тетка Авдотья. И чего она там видит, об чем думает и страдает?» [ПП 4, 169].

Подобным образом «очень складная и жалостная песня» [ПП 4, 54] о «малютке

[7] Точно так же песня умиротворяла в вязании веников беспокойную бабушку героя, Екатерину Петровну; такую картину В. П. Астафьев привел в затеси «Родные березы»: «Лицо у бабушки умиротворенное, она даже напевает что-то потихоньку, будто в березовой, чуть повядшей и оттого особенно духовитой листве утонули и суровость ее, и тревожная озабоченность» [Астафьев 1997, т. 7, 18].

облизьяне» растревожила «закаменелую душу боевого семейства» [ПП 4, 54] дяди Левонтия, который затянул ее над зыбкой, и превратила отчаянных «левонтьевских орлов» в дружный хор: «Дядя Левонтий подбуровливал песню басом, добавлял в нее рокоту, и оттого и песня, и ребята, и сам он как бы менялись обликом, красивше и сплоченней делались, и текла тогда река жизни в этом доме покойным, ровным руслом» [ПП 4, 55]. Эта недеревенская песенка «морских скитальцев» [ПП 4, 53–54] о несчастной обезьяне («Приплыл по акияну / Из Африки матрос. / Малютку облизьяну / Он в ящике привез…») удостоилась в ПП самого значительного по объему цитирования— она приведена тремя куплетами (12 строк)[8]. Более того, дружным пением бесшабашных, чудаковатых левонтьевцев этот эпизод не завершился: он перерос в описание забавной реакции жены Левонтия, тетки Васени, человека «непереносимой чувствительности», на эту песенную историю: «оросив лицо и грудь слезьми, подвывая в старый прожженный фартук, [она] высказывалась насчет безответственности человеческой — сгреб вот какой-то пьяный охламон облизьянку, уташшыл ее с родины невесть зачем и на че? А она вот, бедная, сидит и тоскует все ночи напролет… И, вскинувшись, вдруг впивалась мокрыми глазами в супруга — да уж не он ли, странствуя по белу свету, утворил это черно дело?! Не он ли свистнул облизьянку? Он ведь пьяный не ведает, чего творит!» [ПП 4, 55].

Еще более возбуждающим предстало в ПП воздействие песен, спетых на бабушкином дне рождения. Застольная песня — венец семейного праздника [Зверев 2020, 155], и в совместном пении на нем семья Потылицыных пережила два эмоциональных пика.

«Люби меня, детка, покуль я на воле, / Покуль я на воле — я твой…» — завела песню дочь Екатерины Петровны, «полужена-полувдова» [ПП 4, 166]: «Тонкий голос тетки Авдотьи накрыл и, точно пирог, разрезал разговоры. <…> Родичи сочувствовали тетке Авдотье, разжалобились, припев хватанули так, что стекла в рамах задребезжали, качнулся табачный дым, и казалось, вот-вот поднимется вверх потолок и рухнет на людей…» [ПП 4, 191–192]. Писатель, как будто снимая на кинокамеру, по очереди останавливается на каждом певце, и читатель явственно представляет, как живет песня: «…Пели надрывно, с отчаянностью. Даже дедушка шевелил ртом, хотя никогда никто не слышал, как он поет. Гудел басом вдовый, бездетный Ксенофонт. Остро вонзался в песню голос Августы. На наивысшем дребезге и слезе шел голос тетки Апрони <…>. Сыто, но тоже тоскливо вела тетка Мария. С улыбкой и чуть заметным превосходством над всей этой публикой подвывал Зырянов. Ладно вела песню жена Кольчи-младшего Нюра. Она вовремя направляла хор в русло и прихватывала тех, кто норовил откачнуться и вывалиться из песни, как из лодки. Ухом приложившись к гармошке, чтоб хоть самому слышать звук, с подтрясом, словно артист, пел Мишка Коршуков. Пели все, старые и молодые. Не пела лишь тетя Люба, городской человек, она не знала наших песен…» [ПП 4, 192].

«Наша песня» — это популярный в конце 1920-х — начале 1930-х гг. блатной романс о короткой, обреченной любви преступника, о безысходности, одиночестве и незащищенности его возлюбленной (приложение, № 13). В нем находили отголоски своих судеб и «рестант» Леонтий, и Авдотья, чья жизнь «растрёпана, как льняной сноп на неисправной мялке» [ПП 4, 164], и Августа, дочь Катерины Петровны, выданная замуж за пьяницу, и другая ее дочь, Апроня, «битая и топтанная мужем своим» [ПП 4, 192]. Думается, что именно от этого общего проживания песни, от выраженного в нем сочувствия и жалости друг к другу, а не собственно от ее содержания захлебнулась рыданиями Авдотья, «застучал себя кулачищем в грудь, давая всем понять, что это он и есть вор, и бандит, и преступник всего мира» Левонтий, а в глазах Любы «стояли жалость, любовь и сознание счастья оттого, что она попала в такую семью, к

[8] Почти полностью соответствует трем из четырех строф стихотворения С. Маршака «Обезьяна» из цикла «Детки в клетке» [Маршак 1968, 60]. С таким же началом, как процитировано в ПП, стихотворение опубликовано в 1928 г. [Там же, 504]. Песня про малютку обезьяну упоминается и в другом рассказе ПП «Ночь темная, темная»: ее негромко напевает у костра сын Левонтия Санька, подбадривая своих товарищей по неудачной рыбалке [ПП 4, 269].

таким людям, которые умеют так петь и почитать друг друга» [ПП 4, 192].

Другое песенное переживание воссоздается писателем по своим мальчишеским впечатлениям — восторженным, сохраненным через десятилетия. Дети наблюдают за застольем как положено — с полатей: «Мы залезли на полати, оттуда все видно. <…> “Тее-че-от ре-е-еченъка-а-а-а-а… / Те-ече-т бы-ы-ыстрая-а-а-а…” Бабушка запевала стоя, негромко, чуть хрипловато и сама себе помахивала рукой. У меня почему-то сразу же начало коробить спину, и по всему телу россыпью колючек пробежал холод от возникшей внутри меня восторженности. Чем ближе подводила бабушка запев к общеголосью, чем напряженней становился ее голос и бледней лицо, тем гуще вонзались в меня иглы, казалось, кровь густела и останавливалась в жилах» [ПП 4, 186–187]. Запевы Екатерины Петровны подхватывали сыновья и дочери, а Вите «думалось», что «не песню, бабушку <…> подхватили они, подняли и понесли, легко, восторженно, сокрушая все худое на пути, гордясь собою и тем человеком, который произвел их на свет, выстрадал и наделил трудолюбивой песенной душой» [ПП 4, 187]. Удивительно, что мальчик уловил, как в роли запевалы бабушка остается матерью: «Бабушка все уверенней выводит ее, удобней делает для подхвата. И в песне она заботится о том, чтобы детям было хорошо, чтоб все пришлось им впору, будила бы песня только добрые чувства друг к другу…» [ПП 4, 187].

Пение «Реченьки» на бабушкином празднике вызвало настоящий семейный катарсис: «Вот и слезы потекли по бабушкиному лицу, там и по Августиному, по тети Мариину. Дядя Митрий <…> закрылся рукавом, сотрясался весь <…>. Бабушка хоть и плакала, но не губила песню, вела ее дальше к концу, и когда, звякнув стеклами, в распахнутые створки окон улетели последние слова “Реченьки” и повторились эхом над Енисеем-рекой, над темными утесами, в нашей избе началось повальное целование, объяснения в вечной любви…» [ПП 4, 187].

«Реченька» приведена в рассказе совсем небольшими фрагментами, и сама ее атрибуция затруднительна и допускает определенную субъективность. Первая фраза (вероятно, зачин) «Течет реченька… / Течет быстрая» представляет собой, пожалуй, одну из самых распространенных формул русского фольклора, которая может оформлять как зачины разных песен, так и быть в составе одного из основных мотивов. Вторая песенная фраза обрывочна: «Ой, да как по той по реке…». Очевидно, что далее сюжет мог развиваться за счет появления объекта, плывущего по реке (это могли быть лодка(-и) / корабль(-и) и т. п., птицы, возможно — шапка и т. д.). Судя по силе эмоционального воздействия, произведенного пением на участников праздника, «Реченька» — это драматичная или даже трагическая семейная история, неслучайно в пении Екатерина Петровна заботится, чтобы в ее детях песня «навсегда оставляла бы неизгладимую память о родном доме, о гнезде, из которого они вылетели, но лучше которого нет и не будет уж никогда» [ПП 4, 187]. «Суммарно» такой «назидательный» настрой и общее «переживательное» настроение пения (и, конечно, заданный цитатой образ реки) вполне могут быть соотнесены со старинной солдатской песней о тоске воина по семье («на корабле три полка солдат… как один солдат домой просится…» — к отцу-матери родной, к жене молодой, к малым детушкам). Песня больше известна с зачином — обращением к дереву типа «(Ой, да) ты, калинушка, размалинушка, ты не стой, не стой на горе крутой…» и с образом синего моря. Однако в редких вариантах этого сюжета встречается и корабль, плывущий по реке (приложение, № 11).

«Реченька» — «песнь песней» «Последнего поклона». Она прочно связала всех «сродников» ощущением любви, гордости и счастья, причем в последний раз («Праздник этот во всеобщем сборе был последний» [ПП 4, 187]), и бабушка была в этой песне не просто умелой запевалой, а настоящей главой семьи — уважаемой и любимой.

Об особой любви Вити Потылицына к своей бабушке, о ее образе в ПП написано, в общем, довольно много[9]. Одним из первых примеров выражения этого чувства внука к бабушке (причем через песню) стала сцена в другом произведении В. П. Астафьева — в повести «Перевал» (1959): «Илька затянул самую любимую

[9] О некоторых последних работах об этом см., например, в статье: [Железова 2020, 179].

бабушкину песню»: “Сяду я за стол да подумаю, / Как на свете жить одинокому…” [Астафьев 1997, т. 2, 64]. Взрослая песня-раздумье одинокого, обездоленного мужчины (приложение, № 19) звучит из уст мальчика, рано оставшегося без матери и испытавшего немало жизненных трудностей, тоже одинокого и обездоленного. Это сначала робкое, но все крепнущее пение завершает день, когда герой повзрослел: мальчонка, не желая быть нахлебником, смог как настоящий рыбак-кормилец накормить ухой сплавщиков, к артели которых он прибился по пути к бабушке. Илька впервые решился петь на людях, и его невеселая, разжигающая тоску «по дому, по детишкам у тех, кто их имел» и будоражащая воспоминания песня пришлась по душе мужикам.

Во многом заложенная бабушкиными песнями любовь к отчему дому вылилась на страницах ПП в картину любования дорогими сердцу местами, обозреваемыми героем с высокого речного берега: «На самой верхотуре <…> я непременно присяду передохнуть, постараюсь вдосталь насмотреться на село, озаренное восходящим солнцем, и еще раз достану взглядом то место за лесами дивными, за горами высокими, где разгибаются и уходят в поднебесье расщелины двух могучих рек, раскрываясь мохнатым глухариным крылом, в котором не счесть перьев и перышек: “Там летела пава через сини моря, уронила пава с крыла перышко…”» [ПП 5, 196–197] (приложение, № 18). Как на крыльях грустной, плавно-спокойной мелодии, вместе с горделивой, степенной песенной птицей, летящей «через сини моря», подросток как будто парит над родными просторами и, как в детстве, старается «преодолеть взглядом или хотя бы мысленно молчаливую, конца не имеющую даль», за которой «находится неведомая <…> чудесная страна, в которой <…> никогда не бывать, но которая так всегда манила и манит…» [ПП 5, 197]. Песенная образность органично вплелась в пейзажно-лирические переживания героя, оттенив его светлую, восторженную любовь к родному краю, наделившему его «песенной душой» [ПП 4, 187].

Сама повесть, состоящая в окончательном виде из 32 рассказов, с ее отрывочностью «непосредственных воспоминаний, не подчиняющихся последовательной хронологии» [Старикова 1983, 6], и по композиции, и по эмоциональности произведенного впечатления вполне соизмерима с народной песней: «Суровые и скорбные мелодии в повести перемежаются озорными частушечными напевами. К основной авторской мелодии присоединяются затейливые подголоски, и сама она разветвляется на отдельные голоса, то выходящие на первый план, то затихающие для того, чтобы уступить место другим. И воспринимается повесть как широкая раздольная народная песня, так трогающая нашу душу» [Ганичев 1982, 630]. Неслучайно эту повесть в рассказах называют иногда «поэмой в прозе»: «Картины и сцены “Последнего поклона” сцеплены между собой по прихоти поэтических связей, как это бывает в стихах, как это бывает в наших собственных воспоминаниях» [Старикова 1983, 6] и (добавим) как в лирической народной песне.

Как видно из представленного обзора, а еще более наглядно — из приложения, на страницах ПП упоминаются и звучат в основном песни позднего слоя — переработки авторских стихов, песни городские, тюремные: «Жители Овсянки <…> оказались очень восприимчивы к иной песенной культуре: их репертуар включает много песен, которые исполняются в других районах Красноярского края и регионах России. <…> Близость к городу способствовала появлению иных жанров, в том числе “жестоких романсов” и баллад. <…> Полюбились овсянцам и многие песни литературного происхождения» [У астафьевских родников 2003, 4]. «Виктор Петрович знал все эти песни — любовные, страдательные, семейные бытовые, рекрутские, разбойничьи. Когда тетки забывали слова, он им подсказывал» [Козлова]. Из песен ПП к традиционному крестьянскому репертуару можем отнести, пожалуй, только протяжные «Реченьку» и «Летела пава», а также хороводную игру «Дрёма» (приложение, № 15). И «старые», и «новые» песни органично вошли в ПП, детализируя эпоху, характеризуя конкретное сообщество и конкретных людей, оттеняя настроения персонажей, отражая особый уходящий мир.

Источники и материалы

Адоньева, Герасимова 1996 — Современная баллада и жестокий романс / Сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. СПб., 1996.

Астафьев 1997, 1998 — *Астафьев В. П.* Собрание сочинений: В 15 т. Красноярск, 1997–1998.

Бахтин 2004 — Русская лирическая песня / Вступ. ст., сост. и подгот. текста, прим. В. С. Бахтина; Зап. В. С. Бахтина и др. СПб., 2004.

Васильев 1988 — *Васильев П. Н.* Избранное / Предисл., сост. и подгот. текста П. Выходцева. М., 1988.

Гуревич, Элиасов 1939 — *Гуревич А. В., Элиасов Л. Е.* Старый фольклор Прибайкалья. Улан-Удэ, 1939. Т. 1.

Гусев 1965 — Песни и романсы русских поэтов / Вступ. ст., подгот. текста и прим. В. Е. Гусева. М.; Л., 1965.

Джекобсон, Джекобсон 2006 — *Джекобсон М., Джекобсон Л.* Преступление и наказание в русском песенном фольклоре (до 1917 года). М., 2006.

За Уралушкой огонёчек горит 2007 — «За Уралушкой огонёчек горит…»: Песни казачьих посёлков Южного Урала / Вступ. ст., науч. коммент. С. Г. Шулежкова; Сост., расшифровка фонозаписей, прим. А. Г. Серов; Под ред. С. Г. Шулежковой. М.; Магнитогорск, 2007.

Зиновьев 2006 — Русские песни Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Иркутск, 2006.

Золотые воротца 2016 — Золотые воротца: игровые, хороводные и плясовые песни Красноярского края / Сост. Е. Г. Вопилова. Ижевск, 2016.

Зубова 1992 — *Зубова Н. П.* Бытование песен литературного происхождения в городах и поселках Урала // Фольклор Урала. Фольклор городов и поселков. Свердловск, 1992. С. 44–52.

И открой в себе память 2021 — «И открой в себе память…»: Воспоминания о В. П. Астафьеве: материалы к биографии писателя / Отв. ред. Г. М. Шленская. 3-е изд., испр. и доп. Красноярск, 2021.

Козлова — *Козлова Н.* «В зеленом садочке канарейка пела» (воспоминания о В. П. Астафьеве): URL: https://biblio-ast.ru/astafev/vospominaniya-o-viktore-astafeve/69195/ (дата обращения: 01.03.2024).

Кулагина, Селиванов 1997 — Городские песни, баллады и романсы / Сост., подгот. текста и коммент. А. В. Кулагиной, Ф. М. Селиванова. М., 1997.

Листопадов 1950 — *Листопадов А. М.* Песни донских казаков. В 5 т. Т. 2. М., 1950.

Маршак 1968 — *Маршак С. Я.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. М., 1968.

Музыка в произведениях Булгакова — Музыка в произведениях Булгакова: URL: http://m-bulgakov.ru/o-nem/muzyka-i-stihi-v-proizvedenijah-bulgakova/katorzhanskaja-pesnja-daleko-v-strane-irkutskoj?ysclid=ll6ktk16zd639320889 (дата обращения: 01.03.2024).

Народные песни Красноярья 1983 — Народные песни Красноярья / Сост. К. М. Скопцов, В. Осипова; Вступ. ст. и коммент. В. Осиповой. Красноярск, 1983.

Пархоменко 1985 — *Пархоменко Н. К.* Русские народные песни Томской области. М., 1985.

Песни ангарских низовий 2018 — Песни ангарских низовий: Материалы фольклорных экспедиций последней трети XX века / Сост. Н. А. Новоселова. Красноярск, 2018.

Песни каторги и ссылки 1930 — Песни каторги и ссылки. М., 1930.

Песни Красноярского края 1959 — Русские народные песни Красноярского края / Под общ. ред. С. В. Аксюка. Вып. 1. М., 1959.

Песни Красноярского края 1962 — Русские народные песни Красноярского края / Под общ. ред. С. В. Аксюка. Вып. 2. М., 1962.

Песни Томского Приобья 1986 — Лирические песни Томского Приобья / Сост. А. М. Мехнецов. Л., 1986.

Песни узников 1995 — Песни узников / Сост. В. Пентюхов. Красноярск, 1995.

Русская баллада 1936 — Русская баллада / Предисл., ред. и прим. В. И. Чернышева; Вступ. ст. Н. П. Андреева. М., 1936.

Соболевский 1896 — Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. М., 1896. Т. 2.

Соболевский 1899 — Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. М., 1900. Т. 5.

Соболевский 1900 — Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. М., 1900. Т. 6.

У астафьевских родников 2003 — У астафьевских родников: фольклор Овсянки и Усть-Маны / Сост. Н. Я. Сакова; Науч. ред. А. Ф. Пантелеева. Красноярск, 2003.

Фольклор Иркутской области 2010 — Фольклор Иркутской области. Вып. 8: На Ивана, на Ивана на Купала / Сост. М. А. Карышева. Иркутск, 2010.

Фольклор семейских 1963 — Фольклор семейских / Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский. Улан-Удэ, 1963.

Хороводные песни Сибири 1985 — Хороводные игровые песни Сибири / Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников. Новосибирск, 1985.

Цехновицер 2012 — *Цехновицер О. В.* <Тюремные песни> / Вступ. ст., подгот. текстов Т. С. Царьковой; Коммент. М. Л. Лурье // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 г. / Отв. ред. Т. С. Царькова. СПб., 2012. С. 442–666.

Шульпеков 2014 — *Шульпеков Н. А.* Навстречь солнца на востоке: Русские народные песни Сибири. Старожильческая традиция Енисейского района Красноярского края. Красноярск, 2014.

Исследования

Вахитова 2005 — *Вахитова Т. М.* Астафьев Виктор Петрович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиографический словарь: В 3 т. Т. 1. М.: Олмапресс Инвест, 2005. С. 121–126.

Ганичев 1982 — *Ганичев В.* На берегах великой реки: [Послесловие] // Астафьев В. Последний поклон. М.: Известия, 1982. С. 628–635.

Железова 2020 — *Железова О. В.* Повесть В. П. Астафьева «Последний поклон» в современных литературоведческих исследованиях // Филология и культура. 2020. № 1 (59). С. 177–182.

Зверев 2020 — *Зверев В. В.* «Последний поклон» В. П. Астафьева и основы крестьянского мира // Крестьяноведение. 2020. № 4. С. 142–161.

Коровашко 2011 — *Коровашко А. В.* Промысловые заговоры в произведениях Виктора Астафьева // Сибирские огни. 2011. № 3. С. 171–177.

Смирнова 2013 — *Смирнова А. И.* В. П. Астафьев и музыка // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. 2013. № 12. С. 14–19.

Старикова 1983 — *Старикова Е.* [Предисловие] // Астафьев В. Последний поклон М.: Дет. лит., 1983. С. 3–8.

Эгамбердиева 2016 — *Эгамбердиева Г. М.* Фольклорные элементы в рассказе В. Астафьева «Уха на Боганиде» // Молодой ученый. 2016. № 5. С. 835–838.

© Т. С. Канева, 2024

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Канева Т. С. http://orcid.org 0000-0002-1748-0886

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина: Российская Федерация, 167000, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55; тел.: +7 (8212) 390-308; e-mail: t-kaneva@yandex.ru

Приложение

Песни села Овсянка в «Последнем поклоне» В. П. Астафьева: материалы к комментариям

Из более чем двадцати песен, названных или процитированных в ПП, в данной публикации предлагаются комментарии к шестнадцати из них (18 цитат), а также к одному песенному сюжету из повести «Перевал» — любимой песне бабушки героя, которая очевидным образом связана с бабушкой писателя и соответственно с песенной культурой Овсянки (№ 19); таким образом, всего прокомментировано 19 цитат[10].

Песни комментируются по порядку их появления в ПП. Цитата приводится в заголовке; при разорванных авторским текстом цитатах, относящихся к одной песне и одному эпизоду, они даются в заголовке через точку с запятой. В самом комментарии предлагается атрибуция песенного сюжета и некоторые замечания о его особенностях. Отмечается наличие публикации песни в сборнике фольклора Овсянки [У астафьевских родников 2003] *(Публ.)*. Ссылки на близкие варианты *(Вар.)* приводятся из числа региональных сибирских сборников, а также некоторых антологий русских народных песен по хронологии изданий; в отдельных случаях указываются зачины соотносимых вариантов; эти сведения не претендуют на полноту.

1. «Я у окошечка сидела, Боже мой, а дождик капал на меня» («Конь с розовой гривой») [ПП 4, 54].

Упомянута в числе песен Овсянки — в характеристике «попесенного» сложения села[11] как песня «шахматовского колена».

[10] За пределами нашего комментария осталось несколько песен: неатрибутированная «Монах красотку полюбил», три романса из рассказа «Где-то гремит война», действие в котором происходит вне Овсянки (хотя наверняка они относятся к детско-отроческим познаниям песенного репертуара главного героя, т. е. к Овсянке), а также песня про «малютку-облизьянку».

[11] «Село наше, кроме улиц, посадов и переулков, скроено и сложено еще и попесенно — у всякой семьи, у фамилии была “своя”, коронная песня, которая глубже и полнее выражала чувства именно этой и никакой другой родни. Я и поныне, как вспомню песню “Монах красотку полюбил”, — так и вижу Бобровский переулок и всех бобровских, и мураши у меня по коже разбегаются от потрясенности. Дрожит, сжимается сердце от песни “шахматовского колена”: “Я у окошечка сидела, Боже мой, а дождик капал на меня”. И как забыть фокинскую, душу рвущую: “Понапрасну ломал я решеточку, понапрасну бежал из тюрьмы, моя милая, родная женушка у другого лежит на груди”, или дяди моего любимую: “Однажды в комнате уютной”, или в память о маме-покойнице, поющуюся до сих пор: “Ты скажи-ка мне, сестра…” Да где же всё и всех-то упомнишь? Деревня большая была, народ голосистый, удалой, и родня в коленах глубокая и широкая» [ПП 4, 54].

Вариант городской лирической песни о страданиях девушки, покинутой возлюбленным, с трагическим финалом. Основные мотивы — наказ подругам бояться мужчин «как огня», отчаянное вопрошание «куда деваться?..» и, наконец, намерение пропасть в лесу или утопиться — образуют сюжетную канву в песнях с разными зачинами (например, «Сажусь за стол, беру я карты / Сама себя развеселю…», «Лягу спать, а мне не спится, / Любовь покою не дает…»).

Вариант из Овсянки, исполненный Анной Константиновной Потылицыной, дядей писателя и героиней ПП, отличаются оригинальным завершением первых строк восклицанием «Боже мой».

Публ.: У астафьевских родников 2003, № 167 («Я у окошечка сидела, Боже мой! / А дожжик брызгал на меня…»).

Вар.: Адоньева, Герасимова 1996, № 17–19 («Сажусь за стол, беру я карты, / И веселю (развеселю) сама себя…»; «Сижу, на карточках гадаю, / Сама себя я веселю…»).— Кулагина, Селиванов 1997, № 164 («Сажусь за стол, беру я карты, / Сама себя развеселю…»).

2. «Понапрасну ломал я решеточку, понапрасну бежал из тюрьмы, моя милая, родная женушка у другого лежит на груди» («Конь с розовой гривой») [ПП 4, 54].

Упомянута в числе песен Овсянки — в характеристике «попесенного» сложения села как «фокинская», «душу рвущая» (см. сноску 11).

Процитирована финальная строфа (или одна из завершающих строф) тюремной песни, имевшей разные зачины. В ее основе — отрывок из стихотворения С. Ф. Рыскина «Бродяга» («Опускается тёмная ноченька. / Хороша эта ночка в лесу!», 1888) о побеге «удальца» из тюрьмы, которое «получило распространение среди ссыльных в Сибири. В тюремной среде песне приданы черты “жестокого” романса» [Гусев 1965, 1057]. В Сибири исполнялась повсеместно, при этом «характерно, что сюжет песни остается без изменения, но словесная ткань текста подверглась значительной переработке» [Фольклор семейских 1963, 604].

Публ.: У астафьевских родников 2003, № 105 («Хороша эта ноченька темная…»).

Вар.: Фольклор семейских 1963, № 428 («Осыпаются листья осенние, / Хороша эта ночка в лесу…»). — Джекобсон, Джекобсон 2006, 456–457 («Хороша эта ноченька тёмная, / Хороша эта ночка в лесу!» (Томская обл.). — Песни узников, 103 («Хороша эта ноченька тёмная, / Хороша эта ночка в лесу»).

3. «Однажды в комнате уютной» («Конь с розовой гривой») [ПП 4, 54].

Упомянута в числе песен Овсянки — в характеристике «попесенного» сложения села как любимая песня дяди (см. сноску 11), а также в рассказе «Предчувствие холода» (см. № **17**) и в затеси «Монблан»: «Пушшай богачка тебя любит, пушшай владет она тобой, она любить та-ак не сумеет, как я люби-ы-ыла, милай мо-о-ой» [Астафьев 1997, т. 7, 151].

Городская песня о желании девушки умереть из-за измены возлюбленного. Любимая песня дяди В. П. Астафьева — Николая Ильича Потылицына, мужа Анны Константиновны Потылицыной, о чем подробно рассказано в «Монблане».

Публ.: У астафьевских родников 2003, № 153 («Однажды в комнате уютной / Сидели с миленьким вдвоем…»).

Вар.: Фольклор семейских 1963, № 104 («Вспомни комнату уютну, когда сидели мы вдвоем…»). — Кулагина, Селиванов 1997, № 140 («Меня бранят, меня ругают…»), № 141 («Ты вспомни комнатку уютную…»).

4. «Ты скажи-ка мне, сестра» («Конь с розовой гривой») [ПП 4, 54].

Упомянута в числе песен Овсянки — в характеристике «попесенного» сложения села как песня «в память о маме-покойнице» (см. сноску 11).

Очевидно, приведена песня с зачином «Ты послушай-ко, сестра, / Пора взамуж, взамуж выходить…», которую знала А.К. Потылицына, жена дяди В.П. Астафьева (см. *Публ.*). В записях встречается вариант с зачином «Ты послушай-ко, сестра, про тебя идет молва…».

Лирическая песня — диалог брата и сестры (расспросы брата о тайном возлюбленном незамужней сестры). Павел Васильев, собиравший русский фольклор в Сибири и на Дальнем Востоке, приводит фрагмент песни в качестве отдельной части в поэме «Песня о гибели казачьего войска» (1929–1930) («Ты скажи-ка мне, сестра, / Чей там голос у тебя, / Чей там голос / Ночью раздавался?..») [Васильев 1988, 215].

Публ.: У астафьевских родников 2003, № 163 («Ты послушай-ко, сестра, / Пора взамуж, взамуж выходить…»).

5. «Судили девицу одну, / Она дитя была годами…» («Монах в новых штанах») [ПП 4, 73].

Женский вариант городского романса об измене из серии так называемых «судебных» песен (мужской вариант см.: Кулагина, Селиванов 1997, № 382). Известен с разными зачинами (см. *Вар.*).

Вар.: Песни узников 1995, 160–161 («Вчера я был перед судом»). — Адоньева, Герасимова 1996, № 31 («Сейчас вам случай расскажу…»), № 32 («Любовь, я знаю, хорошо, когда взаимно отвечает…»). — Кулагина, Селиванов 1997, № 402 («Любовь бывает хороша, когда взаимная бывает»).

6. Песня про природного пахаря («Монах в новых штанах») [ПП 4, 88].

Песня про природного пахаря («Отец мой был природный пахарь») считается одной из любимых песен писателя. Разнообразные переработки стихотворения Д. Винивитинова «Песнь грека» (1825) [Гусев 1965, № 246] имели широкое бытование в народной среде. «Дореволюционные варианты эпохи русско-турецких войн XIX в. и войн начала XX в. начинались словами: “Под небом Сербии гонимой…”, “На нас напали злые турки…”, “Отец мой был природный пахарь…”, “Между Китаем и Манчжурой…”» [Гусев 1965, 1070]. «Одна из популярнейших партизанских песен в Восточной Сибири» времен Гражданской войны, «имеет много вариантов» [Фольклор Восточной Сибири 1938, № 88].

Публ.: У астафьевских родников 2003, № 61 («Отец мой был природный пахарь…»).

Вар.: Фольклор семейских 1963, № 488. — Пархоменко 1985, № 63. — Кулагина, Селиванов 1997, № 54. — Зиновьев 2006, № 232.

7. «Далеко в стране Иркуцкой» («Ангел-хранитель») [ПП 4, 117].

Тюремная («каторжанская») песня, известная также под названием «Александровский централ». «Ее источником является стихотворение неизвестного узника Александровского централа, сочиненного, вероятно, в конце XIX века» [Джекобсон, Джекобсон 2006, 391]. «Считается “каторжанской классикой” наряду с песней “Солнце всходит и заходит”. Первоначальный текст — стихотворение “Александровский централ” — создано неизвестным каторжанином не позднее 1880-х годов. Там же, в Александровском централе, к стихотворению был подобран мотив, и оно превратилось в песню, которая <…> сохраняла популярность еще и в 30-е годы XX века в среде политических заключенных. <…> В ней огромное количество куплетов, которые добавлялись и варьировались поколениями каторжан» [Музыка в произведениях Булгакова]. «Варианты песни были записаны в разное время в Европейской России, а также в Сибири и на Сахалине» [Джекобсон, Джекобсон 2006, 393]; встречается в большинстве районов Томской, Новосибирской областей, в Алтайском крае [Пархоменко 1985, 131].

Вар.: Песни каторги и ссылки 1930, 103. — Гуревич, Элиасов 1939, № 7. — Фольклор семейских 1963, № 388, 389. — Гусев 1965, № 662. — Пархоменко 1985, № 66. — Песни узников 1995, 120–121. — Адоньева, Герасимова 1996, № 229. — Кулагина, Селиванов 1997, № 482. — Джекобсон, Джекобсон 2006, 391–393.

8. «Злые люди ненавистные / Да хочут с милым разлучить…»; «Эх, из-за денег, из-за ревности / Брошу милова любить…» («Осенние грусти и радости») [ПП 4, 134].

Фрагмент лирической песни позднего происхождения «Ой, кака же я несчастна…», с зачином «Для кого весна отрадная, / Для меня отрады нет. / Ах, зачем же я, несчастная…». Встречается в записях XX в.

Опубликованный вариант из Овсянки [У астафьевских родников 2003, № 18] расходится с фрагментарно приведенным в ПП текстом одной деталью: причиной отказа от «милого» наряду с ревностью становится не «злоба», а «деньги».

Публ.: У астафьевских родников 2003, № 18 («Ой, кака же я несчастна, / Да уродилась я на свет…»).

Вар.: Зубова 1992, 49. — За Уралушкой огонёчек горит 2007, № 280.

9. «Распустила Дуня косы, / А за нею все матросы! / Эх, Дуня, Дуня, Дуня, я, / Дуня — ягодка моя!»; «Нам свобода нипочем! / Мы в окошко кирпичом! / Эх, Дуня, Дуня, Дуня, я, / Дуня — ягодка моя!..» («Осенние грусти и радости») [ПП 4, 136–137].

Фрагмент армейских куплетов начала XX в. («Дуня»), встречается с зачином «Пошла Дуня в огород, / А за нею весь народ…». См. № **14**.

Вар.: Бахтин 2004, № 437. — Музыка в произведениях Булгакова.

10. «Не любите моряка, моряки омманут»; «Месяц светит за окном, дождь идет уныло, а в руках она несет матросенка сына» («Бабушкин праздник») [ПП 4, 169].

Процитированы фрагменты городской песни о последствиях коварной любви, о соблазненной и брошенной с ребенком девушке (зачины см. в *Вар.*). Варианты, где соблазнителем выступает моряк, условно обозначаются «Матросёнок», «Матросская жена», «Моряки».

В отличие от других известных вариантов в тексте, процитированном в ПП, четко звучит «материнская мораль» («Не любите моряка, моряки омманут»), а строка «дочь идет уныло» трансформировалась в пейзажную деталь («дождь идет уныло»).

Вар.: Адоньева, Герасимова 1996, № 60 («Вы солдаты, моряки, да нежны ваши губки…»). — Кулагина, Селиванов 1997, № 176 («Течёт речка по песку с Дальнего Востока…»), № 177 («Ах, моряк, моряк, моряк, аленькие губки…»). — Фольклор Иркутской области 2010, № 22 («Течёт речка по песку с дальнего Востока…»).

11. «Течет реченька… / Течет быстрая…»; «Ой, да как по той / По реке…» («Бабушкин праздник») [ПП 4, 186].

Фрагмент протяжной песни. Первая фраза представляет собой одну из самых распространенных формул русского фольклора, ко-

торая может оформлять как зачины разных песен, так и быть в составе одного из основных мотивов. Процитированный фрагмент может быть соотнесен со старинной солдатской песней о тоске воина по семье, хорошо известной в русских традициях с разными зачинами, один из наиболее распространенных — с обращением к дереву (калинушке, малинушке, рябинушке), как, например: «(Ой, да) ты, калинушка, размалинушка, ты не стой, не стой на горе крутой…». Центральная сюжетная ситуация этой песни («солдат просится домой») обычно предваряется образом судна с солдатами, плывущими «по синему (синю) морю», что не исключает появления образа «быстрой реченьки», как, например, «легкая лодочка» с «молодцами» на Дунай-реке в песнях этой же сюжетной группы с зачином «Заводы ли вы мои фабричные…» (см. *Вар.*), см. также отдаленный вариант: «Ты береза моя, да моя кучерявая!.. <…> Разливалась речка, она по желтым пескам, / Как расплакался вот наш молодой казак…» [Соболевский 1900, № 237].

Вар.: Соболевский 1900, № 238 («Заводы ли вы мои фабричные…»). — Русская баллада 1936, № 94 («Заводы ли вы мое фабришные…»). — Гуревич, Элиасов 1939, № 180 («Калинушка, ты моя калинушка…»). — Листопадов 1950, № 91 («Ой да, ты, калинушка, размалинушка…»). — Зиновьев 2006, № 211–213 («Ой, да ты калинушка-размалинушка…»). — Шульпеков 2014, № 30 («Ой, да ты, калинушка, размалинушка…»).

12. «Раз полоску Маша жала, / Залаты снопы вязала, / Эх, молодая…» («Бабушкин праздник») [ПП 4, 189].

Шуточная песня, народная переработка песни на слова М. Н. Соймонова «Бабье дело» 1830-х гг. («На полосыньке я жала, / Золоты снопы вязала — Молодая…») [Гусев 1965, № 613]. Судя по описанию в ПП, исполнялась под гармонь.

Публ.: У астафьевских родников 2003, № 133 («Раз полоску Маша жала, / Золоты снопы вязала…»).

Вар.: Гусев 1965, № 613. — Народные песни Красноярья 1983, № 29. — Кулагина, Селиванов 1997, № 74.

13. «Люби меня, детка, покуль я на воле, / Покуль я на воле — я твой. / Судьба нас разлучит, я буду жить в неволе, / Тобой завладеет другой…»; «Я — вор! Я— бандит! Я преступник всего мира! / Я — вор! Меня трудно любить…» («Бабушкин праздник») [ПП 4, 191].

Фрагмент популярного в конце 1920-х — начале 1930-х гг. тюремно-воровского романса, известного с разными зачинами (см. *Вар.*).

Публ.: У астафьевских родников 2003, № 149 («Люби меня, детка, / Покуль я на воле…»).

Вар.: Песни узников 1995, 98–99 («Люби меня, девчонка, пока я на воле…»). — Кулагина, Селиванов 1997, № 531 («Луной озарены зеркальные воды…»). — Цехновицер 2012, № 54 («Луной озарились зеркальные воды…»), 118 («Зеленая роща уныло шумела…»).

14. «А мне всё нипочем! Я в окошко кирпичом!» («Гори, гори ясно») [ПП 4, 210].

Скрытая цитата из «Дуни». См. № **9**.

15. «Сидит дрема, сидит дрема, сама дремлет, сама спит…» («Гори, гори ясно») [ПП 4, 251].

Приведен зачин широко известной в русском репертуаре хороводной игровой песни. По ней играли дети, подростки и молодежь, на улице — в весенне-летнее время и зимой на посиделках; в ПП упоминается как уличный хоровод девочек.

Разыгрывание песни обычно следует за текстом: «дрёма» — один из участников хоровода — в начале игры сидела в кругу, «дремала», затем «пробуждалась», выбирала и целовала кого-нибудь из играющих, который становился «дрёмой». «Дрёму» могли заставить сплясать. «Фантазия играющих создает разные сценические ситуации: то “Дрёма” падает на пол, когда “спит”; то ходит вокруг хоровода или “змейкой”, обходя каждого поющего» [Золотые воротца 2016, 43–44].

Вар.: Соболевский 1896, № 648. — Хороводные песни Сибири 1985, № 22. — Зиновьев 2006, № 98, 99. — Золотые воротца 2016, № 26, 27.

16. «Ой, при лужку, при лужку…»; «А при знакомом поли…» («Бурундук на кресте») [ПП 4, 337].

Народно-песенная переработка романса А. Х. Дуропа «Казак на родине», 1818 («Кончен, кончен дальний путь…») [Гусев 1965, 1069].

Публ.: У астафьевских родников 2003, № 28 («При лужке, лужке, лужке, / При широком поле…»).

Вар.: Русская баллада 1936, № 332 («При лужке, лужке, лужке / Конь гулял на воле…»). — Гусев 1965, № 667 («На лужке, лужке, лужке, / При широком поле…»). — Кулагина, Селиванов 1997, № 96 («При лужке, лужке, лужке, / При широком поле…»).

17. «Однажды в комнате уютной, где мы сидели с ней вдвоем. Ты целовала в алы губки и называла милай мой» («Предчувствие холода») [ПП 5, 21].

См. № **3**.

18. «Там летела пава через сини моря, уронила пава с крыла перышко…» («Приворотное зелье») [ПП 5, 197].

Процитированные строки известны в традиционной русской песенности и в качестве зачина, и как составной мотив в сюжетах о разлуке женщины с возлюбленным (мужем),

которому предстоит отъезд на царскую (военную) службу; в группе вариантов сюжет развивается за счет истории об убийстве вернувшимся мужем оклеветанной жены (см., например: [Русская баллада 1936, № 226: «Летела пава через улицу, ронила пава павино перо…»). Мотив павы, роняющей перо, характерен и для довольно распространенной в разных русских локальных традициях лирической песни с зачином «Уж ты, сад, ты, мой сад, сад зелёненький…». Судя по воспоминаниям А. К. Потылицыной, знали ее и в Овсянке, пела ее и бабушка В. П. Астафьева. Приведем текст песни в исполнении Анны Константиновны Потылицыной из с. Овсянка (урожд. Шахматовой, 1913 г. р.) по звукозаписи, выполненной ориентировочно между 2000 и 2004 гг. (расшифровка Т. С. Каневой)[12]:

Уж ты, сад, ты мой сад, сад зелёненькай,
И когда же, сад, расцвёл и осыпаешься?
И когда же, сад, расцвёл, да осыпаешься?
И куда же, милай мой, и собираешься?
Собирайся, уезжай, скажи: Ми…
Нет, как-то…
Со всемя ты с родным всё прощаешься,
А со мною, молодой, да всё ругаешься.
Не ругайся, уезжай, скажи: «Милая,
прощай!»
Скажи: «Милая, прощай! Уезжаю
в дальный край».
Скажи: «Милая, прощай! Уезжаю
в дальный край».
Там летела пава через синее моря,
Уронила пава с крыла пёрышка.
Мне не жалко крыла, а жалко пёрушка.
Мне не жалко крыла, жалко пёрушка,
Мне не жалко мать-отца, но жалко
молодца.

Вар.: Соболевский 1899, № 512. — Песни Красноярского края 1959, № 46. — Фольклор семейских 1963, № 2. — Песни Томского Приобья 1986, № 25. — Песни ангарских низовий 2018, № 55 (Красноярск. край).

19. «Сяду я за стол да подумаю, / Как на свете жить одинокому…» («Перевал») [Астафьев 1997, т. 2, 64].

Приводится, вероятно, начало песни литературного происхождения, восходящей к стихотворению А. В. Кольцова «Раздумье селянина» (1837), которое появилось в печати под названием «Русская песня» («Сяду я за стол да подумаю…»). Песня встречается «в песенниках с 1850-х годов. <…> Была популярна в среде политических ссыльных в 1880-е годы» [Гусев 1965, № 336, с. 1019].

Первая строфа, очевидно, довольно активно использовалась в разнообразных лирических песнях позднего бытования, в том числе приобретая женскую трактовку («…как на свете жить одинокою»). В сибирском песенном репертуаре имеются примеры текстов, «распетых в соответствии с эстетикой и музыкальным стилем песен старожильческой традиции» [Песни Томского Приобья 1986, 14], присоединяющих к «Раздумью селянина» А. В. Кольцова другие его стихотворения. Так, песня «Вот сяду я за стол да подумаю…», записанная в Томской области [Песни Томского Приобья 1986, № 18, с. 93], построена на мотивах «Песни старика» (1830) [Гусев 1965, № 329], а из Красноярского края [Песни Красноярского края 1962, № 162, с. 235] — «Не шуми ты, рожь» (1834) [Гусев 1965, № 331], а также стихотворения И. З. Сурикова «В степи» (1869, 1877) [Гусев 1965, № 556].

Вар.: Песни Красноярского края 1962, № 162. — Песни Томского Приобья 1986, № 18.

The Folk Singing Culture of Ovsyanka: An Attempt at Annotating the Song Quotations in V. P. Astafiev's "The Last Bow"

Tatiana S. Kaneva
(Pitirim Sorokin Syktyvkar State University:
55, Oktyabrskii av., Syktyvkar, 167000, Russian Federation)

Summary. *This article is devoted to the folk song tradition of the Siberian village of Ovsyanka as depicted in his short story "The Last Bow (Posledny poklon" by V. P. Astafiev (whose 100th anniversary is celebrated this year) This song tradition occupies a special place in the work, characterizing a community and specific people, depicting an era, and conveying the special mood of the characters. On the pages of "The Last Bow," songs, mostly of later provenance, are*

[12] Аудиозапись из фондов МБУК «Библиотека-музей В. П. Астафьева». Благодарю заведующую музейным отделом Юлию Евгеньевну Лобанову за предоставленные материалы, а также уточнение библиографических данных.

mentioned or sung. These include reworkings of authorial poems and urban and prison songs; out of almost two dozen, only two drawn-out (protyazhnye) songs and a playful one can be described as traditional. Singing and songs of various length are part of the narrative, from a laconic reference and citation of one or two lines to elaborate scenes with longer quotations. In addition, the quotations may be considered as a source for the study of local folklore. However, the songs cited in "The Last Bow" have not attracted much attention, including by those who provided commentary for the 15-volume collection of the writer's works. This article offers annotations on nineteen song quotations from "The Last Bow," including attribution of the song plot, a note about the publication of the song in collections of Ovsyanka folklore and links to close variants These links connect to a large range of sources, including regional collections as well as anthologies of Russian folk songs. One of the annotations contains the lyrics of the song "Uzh ty, sad, ty moi sad…," performed by a relative of the writer and based on an audio recording from the collection of the V. P. Astafiev Library-Museum. The article thus introduces the Ovsianka version of this rather famous song into scholarly circulation.

Key words: *folk singing, commentary, V. P. Astafiev, Ovsyanka.*

Received: March 10, 2024.

Date of publication: June 25, 2024.

For citation: Kaneva T. S. The Folk Singing Culture of Ovsyanka: An Attempt at Annotating the Song Quotations in V. P. Astafiev's "The Last Bow". *Traditional Culture*. 2024. Vol. 25. No. 2. Pp. 122–136. In Russian.

DOI: https://doi.org/10.26158/TK.2024.25.2.011

References

Egamberdiyeva G. M. (2016) Fol'klornye elementy v rasskaze V. Astaf'eva "Ukha na Boganide" [Folklore Elements in V. Astafiev's Short Story "Ear on Boganida"]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist]. 2016. No. 5. Pp. 835–838. In Russian.

Ganichev V. (1982) Na beregakh velikoi reki [On the Banks of a Great River]. In: Astafyev V. Poslednii poklon [The Last Bow]. Moscow: Izvestiya. Pp. 628–635. In Russian.

Korovashko A. V. (2011) Promyslovye zagovory v proizvedeniyakh Viktora Astaf'eva [Fishing Charms in the Works of Viktor Astafiev]. *Sibirskie ogni* [Siberian Fires]. 2011. No. 3. Pp. 171–177. In Russian.

Smirnova A. I. (2013). V. Astaf'ev i muzyka [V. Astafyev and Music]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8. Literaturovedenie. Zhurnalistika.* [Bulletin of Volgograd State University. Series 8. Literary Criticism. Journalism]. 2013. No. 12. Pp. 14–19. In Russian.

Starikova E. (1983) Predislovie [Preface]. In: Astafyev V. Poslednii poklon [The Last Bow]. Moscow: Det. Lit. Pp. 3–8. In Russian.

Vakhitova T. M. (2005) Astaf'ev Viktor Petrovich [Astafyev Victor Petrovich]. In: Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi: Biobibliograficheskii slovar' [Russian Literature of the Twentieth Century. Prose Writers, Poets, Playwrights. A Biobibliographical Dictionary]. In 3 vol. Vol. 1. Moscow: OLMA-PRESS Invest. Pp. 121–126. In Russian.

Zhelezova O. (2020) Povest' V. P. Astaf'eva "Poslednii poklon" v sovremennykh literaturovedcheskikh issledovaniyakh [V. Astafyev's Story "The Last Bow" in Modern Literary Studies]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture]. 2020. No. 1 (59). Pp. 177–182. In Russian.

Zverev V. V. (2020) "Poslednii poklon" V. P. Astaf'eva i osnovy krest'yanskogo mira ["The Last Bow" by V. P. Astafiev and the Foundations of the Peasant World]. *Krest'yanovedenie* [Peasant Studies]. 2020. No. 4. Pp. 142–161. In Russian.

© T. S. Kaneva, 2024

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana S. Kaneva http://orcid.org 0000-0002-1748-0886
E-mail: t-kaneva@yandex.ru
Tel.: +7 (8212) 390-308
55, Oktyabrskii av., Syktyvkar, 167000, Russian Federation
PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Philology Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)